

По материалам районной газеты «Заря», 1984 г.

Извлечения из книги «Струговке -100 лет»

Большую работу в связи со 100 летним юбилеем с. Струговка проделал бывший струговчанин Д. А. Ткаченко. Изучая архивные материалы, публикации в печати, опрашивая старожилов, используя личные воспоминания, он подготовил для Октябрьского районного музея обширную рукопись о прошлом села, отмечающего вековой юбилей. Часть материалов он предложил газете «Заря».

Дмитрий Андреевич уроженец Струговки. Его отец участник революционных событий на Дальнем Востоке, был депутатом сельского Совета, членом комсода – комитета содействия революции. Его дочь и сыновья, в т.ч. и Дмитрий, начиная с 1929 г. последовательно возглавляли комсомольскую организацию села. В 1934 г. Дмитрий Андреевич ушел на военную службу, после которой находился на ответственной советской и партийной работе в Приморье, был, в частности, инструктором сельскохозяйственного отдела крайкома партии, секретарем Ивановского райкома КПСС

У истоков

100 лет назад решиться уехать из западных областей России на Дальний Восток могли лишь решительные, мужественные, страстно желавшие освободиться от гнета помещика, избавиться от нищеты люди. Ведь край этот изображался диким, малопригодным для жизни, сулящим всевозможные бедствия. Один из поэтов писал: «Природа сурова, дика. Здесь трудно корчуются пни вековые, бедна урожаем земля...» и т. д.

Те кто несмотря ни на что отважился поселиться вблизи Тихого океана, действительно были смелы до риска. Они ехали в неведомый край с надеждой выстоять, укорениться, осесть навсегда, зажить по человечески на вольной земле. Покупать то землю здесь не надо было, сколько распашешь – все твое. Основатели Струговки – крестьяне с Полтавщины и Черниговщины – добирались в Приморье морским путем из Одессы во Владивосток. Длительное плавание в тропической зоне на тихоходных судах без медицинской помощи при нехватке воды и скученности людей – само по себе тяжкое испытание, и многие его не выдерживали. Но и после высадки на заветный берег лишений хватало мужчины оставив семьи отправлялись на поиски места, где можно было бы организовать поселение пока не обнаружили подходящее, на их взгляд, уголок для земледелия и других крестьянских занятий, лишённые средств к существованию жены и дети, способные работать стали во Владивостоке прачками, горничными, грузчиками и землекопами. И вот "разведчики" вернулись к семьям с вестью: "Нашли!". Нехитрый скарб и малых детей погрузили на телеги, а взрослые и подростки проделали весь путь от бухты Золотой Рог до будущей Струговки пешком порядком.

В 1884 году в облюбованном месте появились 146 дворов. Дома и надворные постройки ставили наспех, не думая о красоте жилищ. Главным было освоение земли. В этом тоже спешили – каждому хотелось заполучить участок получше и побольше. Все вопросы, связанные с землей, решал

сельский сход, который чем дальше, тем больше запутывался в возникавших проблемах. На череполосицах нередко возникали потасовки с применением кольев, вил и других орудий. Конфликты между "крепкими хозяевами" и бедняками продолжались вплоть до победы Советской власти. Одна из причин недовольства части сельчан состояла в том, что землю делили не по количеству ртов в семье, а по количеству мужчин. Крестьянский двор, где прибавлялись парни, концентрировал все больше земли в своем распоряжении, а там где были одни невесты, сводили концы с концами с каждым годом труднее. Были в селе вдовы, которые имели одних дочерей, - им вообще участок не нарезали.

Уже через несколько лет после основания Струговки в ней появились свои богачи. Они использовали наемный труд и прибегали к различным формам закабаления менее удачливых односельчан. Как иной бедняк, бывало, ждал появления на свет сына! Рождение же девочки убивало родителей, так как с её появлением материальные трудности семьи усугублялись. Возможности для накопления богатства быстро истощались в связи с отсутствием рынка для сбыта продукции, это было причиной и того, что крестьяне вели хозяйство экстенсивными методами. Каждый стремился держать больше скота, но не заботился о повышении, скажем удожности коров, старался припахать лишний гектар земли, но не думал обновить урожайный сорт пшеницы.

Сдерживало экономическое развитие классовое расслоение а также бездорожье. Бедняк, допустим, не выращивал бахчевых культур и поэтому не имел по этой статье доходов. Крестьянин побогаче держал бахчу, но тоже не мог получить барыша, так как на трех дорогах из Струговки в Уссурийск не было ни одного моста через реки, добраться до города со скоропортящимся товаром было невозможно. Продукция шла на корм скоту не превращаясь в монету. Да и цены на сельхозпродукты были такими, что вывозить их на рынки не имело смысла.

Хотя в селе имелось не мало бедняков, в целом Струговка считалась относительно богатой, но это было богатство, не способное стать базой высокой культуры быта и жизни крестьян в целом. Дома, даже большие и хорошо отделанные снаружи внутри выглядели примитивно. Они делились на две половины – просторную кухню и большую горницу. В кухне значительное место занимала печь, угол у дверей с улицы отводился под сбрую. Зимой здесь на вбитые в стены полуметровые колышки вешали хомуты, сиделки, уздечки, шлеи. Запах дегтя и крепкого конского пота преобладал над всеми другими. Если зимой телилась корова, ягнилась овца, поросилась свинья, приплод приносили в дом. Теленка на веревочке держали у дверного косяка, поросят определяли под печку, а другая полезная живность свободно бегала по всему дому. Деревянный пол настилали только в комнате, в кухне обходились земляным. В комнате находились сундуки с добром и спальные кровати по числу женатых сыновей. Мебели почти не было, даже обходились без вешалок для одежды. Странно на современный взгляд было отношение к тараканам, их не уничтожали как теперь, более того, когда эти насекомые по каким либо причинам исчезали их немедленно приносили от соседей, считалось, что бегство тараканов предвестник какого-то несчастья. Различные суеверия были широко распространены.

Газет и журналов кроме учителей, никто в селе не получал и не читал, художественной литературы тоже почти не было. Вся деревня в рабочие будни в основном в самотканой и самодельной одежде из волокна льна и конопли, из овечьей шерсти, из шкур домашней выделки. В быту вообще широко использовались самodelки. Скажем, вместо замков применялись деревянные засовы, за обедом пользовались деревянными ложками собственного изготовления, вместо керосиновых ламп обходились зачастую коптилками, в которых горючим материалом был овечий жир. Обходились даже без фабричных пуговиц, вместо которых исправно служили "гузыки" из дерева. И дело здесь было не в бедности, основатели Струговки и подавляющее большинство переселенцев последующих лет были в прошлом

батраками, безземельными и безлошадными крестьянами, которые в пору относительного материального достатка не могли позволить себе тратить копейку на то, что умели делать сами, а умели они очень многое. И не удивительно, что им не требовался магазин.

В Струговке вплоть до установления Советской власти торговых заведений не было. На почве безграмотности процветали самые невероятные традиции и верования. Например, когда внезапно скончался на своей пасеке старик Сидор Кулик, распространился слух, что случилось это от грудной жабы. Действительно вспомнили односельчане, Сидор, случалось, спал на траве с широко открытым ртом и жаба залезла в грудь... Или скажем такая ситуация: один крестьянин посильнее в земледелии другого, а поля их рядом. Но у одного урожай на зависть всем, а у другого бедный "Скажи пошто хлеб у тебя богаче много богаче моего! – спрашивает сосед соседа. – Все брат от бога.... – следует ответ – ты какому святому ставишь свечку в церкви? – Богородице... - А я, милый, Николаю Угоднику. Богородица-то бабами да детьми ведает, а Николай Угодник посевами". После такой беседы, за которой один спрятал от другого секрет хозяйствования на земле почитатель Богородицы вполне серьезно переключался на Николая Угодника.

Струговка собрала различных в этническом отношении людей. Скажем Чуйки, Шевченки, Гнедченки, Ткаченки, Рябченки, Понамаренки принадлежали к группе черниговцев и полтавчан, придерживавшихся общих обычаев, обрядов, говоривших на одном диалекте украинского языка. Другую группу переселенцев – до 15 % составляли бывшие жители Брянской губернии - Пискуны, Скопинки, Цветики, Малыхи, Богинские и т.д. У них был свой уклад жизни, традиции, обычаи и язык. Различия национального и этнического характера долго служили основой взаимной неприязни и даже вражды. Новые семьи, например, поначалу создавались лишь в рамках сложившихся лагерей.

Характерная примета общения струговчан того периода, широкое пользование прозвищами, под которыми люди были известны больше, чем

по фамилии. Всех Назаренок например называли Пивнями – Петухами, Рыженок – Курганями, Заик – Баранами и т.д. Иногда имя деда превращалось в фамилию, а фамилия забывалась. Например, говорили Гришкин Иван, Гришкин Николай..."

Сколь не были темны струговчане, однако же, понимали значение грамоты, образования и потому еще в начале 90-х годов прошлого века построили под цинк начальную школу на 40 детей вокруг которой заложили небольшой фруктовый сад. Весной, в пору цветения село буквально утопало в молоке миллионов соцветий. Многие держали пасеки.

Время крушения устоев

Струговские парни службы не несли. Ратное дело исполняли казаки, станицы которых располагались вдоль границы с Китаем. Даже русско-японская война не коснулась села. Но едва на западных границах России началась первая мировая война, как в Струговку пошли царские повестки о наборе в армию. Это было так неожиданно, что село пришло по существу в отчаяние. Плач и крики раздавались практически повсюду, сами рекруты прощались с близкими с таким видом, будто уходили на смерть.

С войною и принесенными ею лишениями начался быстрый рост политического сознания жителей, заметнее пошел процесс социального размежевания, размывания уставов самодержавия: таяла вера в царя, шла на убыль религиозность, слабели духовные основы. Семьи, в которых оставались мужчины, могли наращивать производство, что в условиях повысившегося спроса на продовольствия и роста рыночных цен, ускоряло обогащение. Солдатки и вдовы наоборот, запускали хозяйство, не имея сил вести его как следует, беднели и даже разорялись. Подростки с захиревших дворов нанимались батрачить, шли работать по найму и женщины не сумевшие жить с доходов своих хозяйств. В это же время хозяева

наращивающие капитал, приобретали промышленные товары, стоили новые дома. В селе появились две паровые мельницы, четыре новых кузницы, три новых молотилки с конным приводом. В ту пору у значительной части струговчан стало модным украшать фасады своих домов красить ставни, крылечки.

В село зачастил священник Покровской церкви Плаксин, который внушал жителям, что войны происходят по велению бога, они – де всегда были и будут, пока люди живут на земле. Солдаток уже получивших похоронки на мужей, он успокаивал тем, что павшие уже, мол находятся в раю, а у их оставшихся на земле родственников тоже возрастают шансы на счастливую загробную жизнь. Словом, церковь направляла силы на то, чтобы притупить недовольство населения войной, не отвечавшей интересам простого народа. Не дать прорасти семенам недоверия к царизму к религии.

Через год в Струговке появились первые раненые и инвалиды. Информация о ходе боевых действий, о целях войны расширилась. Более полные и объективные сведения о ней, укрепляли мысль людей о том, что побоище идет к выгоде крупных помещиков и капиталистов, самого царского двора, а простые люди платят за это своей кровью и жизнями. С большим интересом струговчане, бывая в Никольск-Уссурийском, посещали там иллюзион, где демонстрировалась военная кинохроника. Все с нетерпением ожидали конца войны, а его не было видно. Священник все чаще отправлял панихиды по погибшим. И вдруг как гром в морозный зимний день – сбросили царя Николая! Узнали об этом не из газет и не из радиосообщений – этих средств оповещения в селе тогда не было. Просто неизвестно откуда появившиеся молодые люди пошли по домам и стали срывать портреты царя со стен, заявляя при этом, что царь – предатель своего народа, продал русскую армию немецкому кайзеру, за что и свергнут. Смятение в селе в связи с необыкновенной новостью продолжалось больше недели. Беспокоила неизвестность: как же без царя! Наконец кто-то пустил слух: одного сбросили, другого – посадят. Ждали попа, чтобы он успокоил мирян, но поп

почему то не появлялся. Наконец, мужики, вернувшиеся с городского базара, привезли весть " Поставили царем какого то Керенского".

Политическая информация в то время полностью отсутствовала. Какой либо агитации, если не считать священнослужителей, никто не вел. В этих условиях каждый был сам себе и политиком и философом, были в ходу самые разнообразные толкования происходящего. Положение стало меняться когда в конце 1917, в начале 1918 года стали возвращаться с фронта солдаты. Они привезли правду о победоносной Октябрьской революции, о том, что создано рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным. По распоряжению этого правительства, говорили фронтовики, у помещиков отбирается имущество и земля, и передаются крестьянам. Особенно этому радовались старики, натерпевшиеся в молодости всяческих бед от помещиков. Обращаясь к богу они горячо благодарили его за то, что он, наконец, прознал о крестьянских слезах и послал на землю человека, который вступился за бедных. Лениным восхищались, верили, что он сам и крестьянин. Только свой человек мог принять решение передать землю тем, кто ее обрабатывает.

В середине 1918 г. на собрании фронтовиков села был создан так называемый комитет содействия - комсод. В него вошли Иван Приходько, Андрей Ткаченко, Прокофий Дончак, Иван Богинский, Никита Бугай и др. это был первый представительный орган, возникший в селе после Великого Октября. Его цель – разъяснение мероприятий советского правительства. По инициативе комсода при школе был создан совет в главе с Даниилом Петренко. Совету надлежало добиваться упразднения телесных наказаний школьников и отмены преподавания закона божьего.

Совета как органа государственной власти в Струговке до начала гражданской войны и иностранной интервенции не возникло. Поэтому каких либо заметных преобразований не происходило. Даже вопрос о законе божьем не решался. С этим пережитком в обучении крестьянских детей покончил Петр Кулик. Выходец из богатой семьи он закончил учительскую

семинарию, из армии вернулся в офицерской шинели, но без погон, отличался демократической настроенностью и стал играть заметную роль в организации политических мероприятий. По его инициативе были расширены комсод и школьный совет, они обросли активом. Кулик стал информировать односельчан о том, что происходит в крае. Уезде, деятельно вел подготовку к созданию в Струговке совета депутатов, организовывал собрания молодежи, батраков, бедняков, устраивал лекции, диспуты, готовя почву для выборов органа Советской власти.

Так вот, П. Кулик, придя однажды в школу, где как раз шел урок закона божьего, велел собрать с парт молитвенники, очистил от религиозной литературы книжный шкаф, после чего шестиклассники Василий Голофаст, Кузьма Заика с большим удовольствием побросали «Священные пособия» в топившуюся печку. С удовольствием потому, что священника все ученики боялись, а его предмет не любили.

В начале 1919 года в село вступили сразу два гвардейских кавалерийских полка - семеновский расположился в Нижней, капеллевский – в Верхней Струговке. Жителям пришлось возвращать портреты царя на стены своих горниц. Населению было предложено сдать оружие. Последовал запрет на какую – либо общественную, пропагандистскую деятельность не соответствующую монархическим взглядам. Актив еще не сумевший стать ядром струговского населения, вынужден был прекратить работу, П. Кулик перешел на нелегальное положение.

Белогвардейское соседство

Семеновцы и капеллевцы стояли в Струговке долго. Разбитые Красной армией в Забайкалье, они бежали в Манчжурию, где были разоружены китайцами, а затем переправлены в Приморье. В Струговке они разместились по два три человека в квартирах жителей. Это было воинство зашедшее в

тупик, в обстановке безделья подверженное разложению. Выходцы из бедных семей оказавшиеся под одной крышей с бедными же крестьянами, быстро нашли общий язык с хозяевами квартир, солдаты, же оказавшиеся на постое у богатых, наоборот вступали в конфликт с владельцами домов.

Благоприятные условия для распропагандирования полков умело использовали как прогрессивно настроенные бывшие фронтовики из местного населения, так и подпольщики, установившие связь с партизанскими отрядами. Дезертирство, переход на сторону народа, укрывательство враждебных белому движению фактов были распространены. Вот один из примеров.

У одного из солдат, квартировавшего у богатея Матвея Репы, Крайне истощала лошадь. Он попросил у хозяина овса или сена, чтобы подкрепить животное. Тот отказал. Походив некоторое время и решив, что конь падет от голода, солдат снова подошел с просьбой к Матвею. И опять отказ. Тогда солдат самовольно взял с сеновала охапку сена. Хозяин с руганью пошел на своего квартиранта. Тот обнажил шашку. Репа доложил об инциденте командиру полка. Солдату пригрозили трибуналом, но он взорвался и высказал командиру все, что накипело на душе.

Расстрелять! – приказал командир. Своевольного солдата четверо конвоиров отвели за огороды, в кусты и почти в упор дали по нему два залпа. Потом оказалось, что солдат ранен всего одной пулей. Значит, конвоиры его убивать не хотели, пальнули большей частью мимо. Сноха Матвея Репы Екатерина, жившая неподалеку, вечером обнаружила "расстрелянного" в скирде соломы, тайком втащила его в свой дом и спрятала под кроватью. На беду, свекор заметил ухищрения снохи. Явившийся к ней офицер пристрелил солдата прямо в ее комнате. Конвоиров же посадили в карцер за недобросовестное исполнение приказа. Утром оказалось, что не арестованных, ни охраны нети – ушли. Найти беглецов не удалось. Местные жители помогли им скрыться. Зверская расправа над солдатом вызвала у многих струговчан возмущение. Богатые же оправдывали Репу и командира,

иначе, мол, нельзя: голодные солдаты и их голодные лошади сожрут всех с потрохами.

А в Приморье уже вовсю хозяйничали японцы. Появление на русской земле чужеземцев и то, что верхушка белогвардейщины готова продать им все, лишь бы одолеть большевиков, пробуждала в белых солдатах недовольство. Виноватые перед Советской властью, но являясь все-таки в основном бедняками, оказавшимися в подчинении у царских офицеров, они в основной своей массе были против иностранной интервенции. Первым из явных перебежчиков оказался солдат Даниил Белокопытов, квартировавшийся у Василия Демьяненко. Он обратился к А. Ткаченко с признанием, что он сам и несколько его надежных товарищей хотят перейти на сторону красных. Ткаченко не знал как ему поступить, боясь провокации и не имея права лично принимать решения в таких делах. Ему порекомендовали с переправкой Белокопытова к партизанам повременить, пусть мол поработает среди недовольных однополчан, распространит среди них листовки с призывом переходить на сторону Советов. Белокопытов согласился. Ему удалось сагитировать на побег даже писаря штаба полка Герасима Чепеззубова, жившего на квартире злобно настроенного против революционных перемен Марка Палауса. С помощью писаря, готовившего солдатам, уходившим к красным, и дезертирам надежные документы, удалось несколько убавить белогвардейские полки. Бежал Чепеззубов в последний момент, перед разоблачением исчез и Белокопытов. История с побегом последнего характерна тем, что в ней отчетливо отразились истинные настроения солдат. Вывезти из села беглеца должен был мой отец. Под видом поездки на базар предполагалось уложить воз так, чтобы под мешками картошки спрятать Белокопытова и доставить его, а заодно и картошку к партизанам.

Утром отец закладывал лошадь, Даниил пил чай перед дорогой и в этот момент ко двору подошел наряд во главе с офицером. Белокопытов у тебя ?- спросил офицер тоном, выдававшим намерения прибывших и решительно

направился в дом. Когда вошли, даже отец удивился: беглеца нигде не было! Три солдата - квартиранта спокойно сидели на полу, где спали и курили. Обыскать! - распорядился офицер. Один из солдат полез в подпол, осветил спичкой, потыкал саблей в угол, вылез и доложил: никого нет. Наряд ушел. Оказалось, что Белокопытова квартиранты – солдаты засыпали в подполе картошкой из приготовленных к отправке в лес мешков. Солдат, находившийся в подполе, возможно, почувствовал, что под горкой клубней находится человек, но промолчал.

В 1920 году нежелательные для большинства жителей полки ушли из Струговки. В следующие два года здесь бывали калмыковцы, чехи, японцы, но задерживались недолго. Между силами старого и нового мира, шла глухая, но непримиримая борьба. То тут, то там оказывались убитыми либо ярый беляк, либо интервент. Скажем, был такой офицер Семен Чуйко, о котором знали, что он лично расстреливал большевиков, партизан, проводил в Струговке обыски с целью "накрыть подпольщиков". Кончилось тем, что однажды зимой труп Семена нашли за селом в сугробе. Или вот такой факт: японский офицер возвращался из Владивостока в Покровку, правил повозкой японский же солдат. Оба оказались убитыми на дороге недалеко от Струговки. Оружия и документов на месте происшествия не оказалось. Попытки властей контрразведки, раскрыть участников и цели "преступления" ни к чему не приводили. На сельских сходах, на допросах струговчане заявляли: " у нас в селе большевиков и партизан нет, убийства очевидно, происходят с целью завладения оружием и устраиваются бандитами"

Уже после изгнания из Приморья белогвардейцев и интервентов в село из партизанского отряда вернулся Тимошка Голофаст, который рассказал: "я собрался в партизанский отряд, действовавший в районе Кондратеновки, требовалось оружие. И японцев побил я".

Укрепление советской власти.

16 октября 1922 года Струговка видела белогвардейцев последний раз. Пешие и конные, навьюченные боевым скарбом, они шли к границе, отступая под ударами Красной Армии. Примерно через полчаса после их отхода в село вошли красноезвездные отряды. На второй день над некоторыми домами Нижней и Верхней Струговки появились красные флаги. На школьной площадке состоялся первый за всю предыдущую историю села митинг. Началась новая жизнь села, которая одних радовала, других - пугала. Зажиточная часть населения, конечно, ничего хорошего в будущем для себя не ожидала, так как знала, неминуемо последует отмена частной собственности. Среди идущих на митинг, можно было услышать такие "шутки": "Ну, бабы, готовьтесь, сейчас комиссары объявят вас общими, семьи и мужья вам теперь ни к чему..." Порожденные вражеской пропагандой всевозможные слухи о большевиках и жизни при коммунизме часть населения воспринимала с доверием. Словом от митинга ожидали необыкновенных новостей. На площади была сооружена высокая трибуна, обитая кумачом. Около нее задолго до открытия митинга собрались все взрослые жители и многочисленная ребятня. Такого большого сбора никогда раньше не бывало. Ровно в два часа дня, как и намечалось, на трибуну поднялись военные с боевыми знаменами и портретом В.И. Ленина и несколько гражданских лиц. Фамилий их установить не удалось. Первый оратор рассказал собравшимся о внутреннем и международном положении Советской России, о задачах новой власти и том, как и намеревается решать партия большевиков и Совет Народных комиссаров.

Другие выступающие на митинге товарищи затронули вопросы повышения обороноспособности страны и укрепления союза рабочего класса с трудовым крестьянством под лозунгом " Больше машин и промышленных товаров крестьянам! Больше хлеба и другого продовольствия рабочим!". Организаторы митинга ответили на многочисленные вопросы жителей.

После закрытия митинга народ еще долго не расходился с площади. Главным его результатом было то, что струговчане лично убедились: большевики – деловые люди, понимают интересы трудящихся, и их политика отвечает чаяниям простых людей.

Богатые жители, стремясь развеять положительное впечатление от первой встречи сельчан с официальными представителями власти, нашептывали, что Советы – это временно, что они не справятся с хозяйственными проблемами, что белые вернутся и всех, кто поддерживал новую власть перевешают. Однако большинство струговчан видело и понимало – обратного хода в жизни не будет, власть трудящихся никто не опрокинет.

Богатеи, не меняясь по существу, стали приспособливаться к новым условиям, чтобы не выпустить из рук бразды экономического и политического господства. На выборах первого сельского Совета в 1923 году им удалось провести в депутаты либо скрытых противников народно власти, либо безграмотных аполитичных, находящихся под влиянием церкви и буржуазной идеологии людей. Ни одного подлинного активиста с революционными воззрениями в совет избрано не было. Возглавил сельсовет Емельян Приходько, спокойный, набожный старик, не умевший ни писать, ни читать, к тому же охотник до трапез, после которых он нередко извлекал из кармана сельсоветскую печать и шлепал ею по подсовываемым ему бумагам. Секретарем исполкома стал, а фактически остался при прежней должности Гавриил Шевченко. Совет фактически служил зажиточным сельчанам. Скажем, Советская власть открыла дорогу к образованию детям бедняков. А кулак получал в сельсовете справку о том, что он принадлежит к бедняцкой части населения Струговки, является активистом нового строя, и устраивал сына в учебное заведение в городе. Новая власть выделяла жнейки для бедных крестьян, а фактически машины по подложным документам приобретали все те же богатеи. Жалобы по таким фактам в вышестоящий Совет обычно ни к чему не приводили: по справкам то

выходило, что все совершается так, как требует того Советская власть. Немало сделали зажиточные крестьяне, кулаки для того, чтобы настроить людей против Совета. Вот один из приемов, применяемых с этой целью. При старой власти для выполнения различных местных работ: подвозки дров для школы, строительства и ремонта мостов, подсыпки песком и гравием дорог, а также сбор средств производились от мощности хозяйств и количества взрослых членов семей. Сельский же совет разработал и провел через сельский сход такой порядок, по которому любой двор был обязан либо выделить одинаковое количество денег, либо отработать одинаковое количество дней. Это поставило крепких хозяев в преимущественное положение по отношению к бедным. Аналогичный оборот дело принимало при переписи скота, при взимании средств по самообложению и во многих других случаях. И все-таки бедняцкая часть струговчан не принимала произвол богатых как неизбежность. Власть - то народная, они понимали это, и возвышали голос в защиту справедливости. Однажды когда перепись животных вылилась в явное укрывательство крупных владельцев скота, сообщение об этом было направлено в райисполком. Сведения местных переписчиков перепроверили, подлоги были вскрыты. Перепись провели повторно, на сей раз точно. Скрывшие большое количество скота кулаки были предупреждены о том, что в случае повторения подобного виновные предстанут перед судом как саботажники.

Старая царская власть вопросами хозяйственного развития деревни не занималась. Советы же напротив уделяли крестьянству большое внимание и за пять - шесть лет сделали немало, чтобы поднять производительные силы сельского хозяйства. В села направлялись агрономы РАЙЗО и вели там разъяснительную и практическую работу по повышению урожайности полевых культур. Зоотехники учили крестьян современным методам эффективного метода ведения животноводства. Продукция сельского хозяйства закупалась для государства методом контракции.

В 1924 г. стала создаваться потребкооперация. Возник комбед, оформилась комсомольская организация. Ростки новой жизни крепили, у Советской власти становилось все больше сознательных сторонников. Большую роль в политической жизни этих лет играл сохранившийся комсод во главе с П. Куликом, работавшим учителем. Комитет содействия был своеобразным противовесом подпавшего под кулацкое влияние Совета, он энергично проводил в жизнь политику партии, стоял на страже интересов бедных крестьян. Именно комсод добился наведения строго порядка в сборе налогов, от платы которых часть богатых дворов уклонялась. Комсод и комбед проводили собрания бедняков и батраков, по их инициативе во время подготовки очередных выборов в Совет был составлен список лиц, лишенных права голоса в связи с открытым саботажем мероприятий Советской власти. Пассивных и колеблющихся в отношении к народной власти становились все меньше. Особенно активно поддерживали политику партии члены комбеда Иван и Пантелей Богинские, Алексей и Роман Голофасты, Пантелей Тихий, Дмитрий Курбан, Денис и Корней Барановы.

Получилось так, что первый струговский совет через два года перестал обладать реальной властью, в его руках остались лишь печать и штампы. Во время очередных выборов в 1925 году, в новый состав Совета были избраны члены комсода Иван Приходько, Андрей Ткаченко, Никита Бугай, Иван Богинский и другие активные сторонники советской власти. Председателем исполкома был избран Иван Богинский. Хотя и малограмотный, он использовал данную ему власть так, чтобы она способствовала осуществлению политики партии в деревне. После выборов комсод перестал существовать. Комбед в 1927 году был переименован в крестьянский комитет – крестком. Это комитет знакомил бедноту с решениями партии и правительства о льготах малоимущим крестьянам, в частности с получением ссуд, в приобретении дефицитных товаров, с правом батраков на выходные дни и т.д.

В 1927 году крестком получил 20 га земли из госфонда на котором он начал выращивать сортовые зерновые культуры и обеспечивать добротными семенами начавших заводить собственное хозяйство батраков. Эта деятельность способствовала объединению крестьян, пробуждению в их сознании чувства коллективизма, взаимопомощи, что сыграло решающую роль при создании в 1930 году в Струговке колхоза "Сигнал". Все члены крестьянского комитета стали первыми колхозниками. Крестком прекратил свое существование.

Строительство новой жизни.

Колхоз как хозяйство основанное на коллективном владении средствами производства и коллективном труде, не означал внезапную смену производственных отношений в деревне. В течении нескольких лет крестьяне словно бы брали неизвестные им уроки коллективной работы. Возьмем вопрос о путях сообщения между Струговкой и Никольск – Уссурийском. Ездили по разным полевым дорогам от заимки к заимке. Собираясь в город, сосед спрашивал у недавно вернувшегося из города соседа: "Ты, по какой дороге добирался в город?". Тот отвечал: "Спустившись со Струговского увала, повернул направо, а от заимки Сульмовского взял влево и ехал до заимки Сауцкого, перебрался через речку и, минуя новоникольские заимки Сивашевых и Расторгуевых выбрался на накатный тракт. Другой сосед излагал в подробностях другой, не менее замысловатый маршрут. Случалось, в пути по несколько раз перегружали возы, т.е. в непроезжем месте снимали мешки, перегоняли лошадь порожняком, затем на себе переносили тяжести и снова укладывали их на телегу. Так ездили 40 лет. И вот государство стало строить хорошую дорогу до города, но средств на нее не хватило и сельчанам предложили принять участие в дорожных работах. Крику было много, не хотели крестьяне тратить силу и использовать тягло на "ненужной им дороге". Тем не менее, сотни

подвод и людей из Струговки и Покровки были привлечены к вывозке песка, гравия, строительства насыпей и мостов, рытья канав. По мере того как дело шло к завершению работ, возмущение утихало, а когда по новой трассе пошли конные обозы, все стали восхищаться сделанным, хвалить власть и большевиков за распорядительность и мудрость.

Сенокосов в Струговке не хватало, их арендовали у полтавских и фадеевских казаков за 30 – 40 км от дома. Все работы, связанные с сенокосом, тоже делали сообща, а сено делили, как бы это сейчас сказали, по коэффициенту трудового участия. Практиковалось также коллективное обслуживание мощных молотилок, перевозимых с тока на ток. Про всякую работу, выполненную сообща, говорили: " Мы работали коммуной". Слово "коммуна" звучало гордо. Часто можно было слышать: " Что один? Да в одиночку ничего не сделаешь, коммуной – другой разговор". Понимание преимущества коллективного труда подготавливало сознание крестьян к принятию коллективизации. Колхозы пытались создавать не ожидая директив. Объединялись по доброму согласию несколько семе и называли себя колхозом. Нужны же были крупные коллективные хозяйства, способные эффективно использовать мощную технику, которой появлялось на полях все больше. Создать такое хозяйство можно было лишь в результате большой организаторской работы. Ее начал уполномоченный по хлебозаготовкам Толстых, прибывший в Струговку в первых числах ноября 1929 года из Уссурийска или Владивостока – мы точно этого не знали. Он подобрал активистов, которые в беседах с крестьянами во время обходов домов вели агитацию за колхоз и вносили в списки тех, кто соглашался вступить в него. В первых числах февраля Даниил Петренко, которого прочили в председатели колхоза и его сосед Иван Кравченко уже имели список одиннадцати семей будущих колхозников. Кроме самих фамилий Петренко и Кравченко в нем значились их соседи Павел Чуйко, Терентий Халимон, Пантелей Тихий, Деомид и Денис Полищуки, Иван Литвиненко, Дмитрий и Андрей Курганы, Тимофей Бугай, Даниил Рябченко. Двенадцатым записался

в колхоз мой отец. Мне поручили поговорить о вступлении в колхоз в соседних с нашим дворами. Я закончил обход соседей поздно вечером. Список увеличился еще на четыре строки за счет фамилий Василия Брежного, Андрея Роя, Ивана Щербакова и его отца. А всего в тот день стали известны имена 16 новых сторонников вступления в колхоз, жителей Нижней Струговки. В Верхней Струговке записалось в колхоз 20 человек. Успех был головокружительный. Через неделю около ста хозяйств были готовы объединиться. Было решено провести собрание записавшихся, чтобы избрать совет артели. На собрание пригласили делегацию маломощного, но уже имеющего некоторый опыт ведения коллективного хозяйства колхоза "Бедняк". Собрание было бурным длилось с шести часов вечера до полуночи. Было провозглашено о создании колхоза "Сигнал", правда пока шли дебаты 20 подписавшихся предложили исключить их из списка. Через неделю колхоз "Бедняк" решил присоединиться к "Сигналу". Контору колхоза, по предложению Петра Верещака разместили в его доме – в большой комнате, имевшей парадный вход. Петр также предложил объединить свой большой двор с конюшней, скотными сараями, навесами с таким же большим и капитальным двором жившего рядом, но раскулаченного брата Федора и разместить здесь колхозный конный двор, что и было сделано. Обязанности были распределены следующим образом. Бывший председатель "Бедняка" Василий Косач возглавил работу по созданию машинного двора, ремонту техники и подготовке к посевной, а также по организации скотных и конных дворов. Даниил Рябченко должен был создать полеводческую бригаду и решить все вопросы обеспечения весеннего сева. Делом Тимофея Бугая стало укомплектование ферм доярками, скотниками, подвозчиками кормов. Создали овцеферму, свино- и птицеферму. За короткое время хозяйство разрослось настолько, что отдельные его участки стало некому обрабатывать. Требовались дополнительные рабочие руки. Председатель колхоза Петренко и я выехали во Владимировку и Ильичевку с целью перетянуть оттуда бедных крестьян в колхоз. Из Владимировки перебрались в Струговку только

две семьи – секретаря комсомольской ячейки Бублика и Дмитрия Виничука. А из Ильичевки больше десяти семей, в каждой из которых было по три – четыре работника. Переселенцев из соседних деревень разместили в домах раскулаченных струговских жителей. За счет пополнения укрепили кадрами малолюдные производственные участки, укомплектовали строительную бригаду. Через неделю после вступления в колхоз семей владимировцев и ильичевцев прибыла делегация колхоза "Кубяк", находившейся у р. Раздольной на территории Покровского сельского совета. Кубяковцы во главе с председателем колхоза Михаилом Крапивиным и секретарем партячейки Егором Ермолиным предложили объединиться с "Сигналом". Через несколько дней делегация с такой же целью прибыла из Николольвовска во главе с председателем сельсовета Марфой Масютиной. Оба колхоза по совместному решению правлений влились в "Сигнал".

Надо сказать, что шел и обратный процесс – часть вступивших в колхоз выбывала из него, однако в целом тенденция к росту преобладала. Но организация труда на первых порах была плохой. Руководители по одному и тому же вопросу подчас отдавали разноречивые распоряжения, выбор лошадей и повозок для работы осуществлялся по принципу – кто что захотел, тот то и взял, не нравились одни обязанности, самовольно брались за другие. Одни выходили на работу – другие оставались дома. Колхозный актив целыми днями наводил порядок на производственных участках, а вечерами до полуночи заседали, спорили, решали, как лучше построить следующий рабочий день. Открыли столовую (зав. Мария Михайлюк), детские ясли (зав. Елена Масютина). Совершенствовались учет труда и распределение дохода. После объединения колхозов было создано новое правление, его председателем стал Михаил Крапивный, секретарем колхоза Александр Балакин. У председателя было два заместителя: Даниил Петренко, он же главный бухгалтер, и Василий Косач, ответственный за всю механизацию и строительство. Появилась должность полевода, на которую был назначен из

района агроном Шутов. Завхозом стал присланный из города коммунист Тюфтиев.

Название колхоза "Сигнал" было предложено райкомом ВКП (б). Смысл в это наименование вкладывался такой: образование в Струговке крупного колхоза – это сигнал приступить во всех селах района к сплошной коллективизации. "Сигнал" в ту пору был самым большим хозяйством в Уссурийской области. По его образцу была создана коммуна "Пограничник" с центром в Новогеоргиевке, объединившая маленькие колхозы Полтавки, Фадеевки, а также жителей Константиновки. В газетах появились сообщения, что наподобие "Сигнала" в Черниговке создана коммуна им. Реввоенсовета.

Колхозные будни

Первый год жизни колхоза увенчался хорошими результатами в труде. Посевную хоть немного и затянули, однако же, все сделали основательно, с высоким качеством. Сена наготовили для колхозного скота достаточно и хорошего. Урожай зерна получили такой, какого единоличники никогда не брали. Хлеб удался не случайно. 80 % вспашки было выполнено тракторами, а остальные 20 – наиболее сильными конями. Плуги шли на глубине пахотного горизонта, сеяли только сортовые протравленные семена. Перед посевом поля протороновили в четыре следа – два раза вдоль, два раза поперек. Задельвали семена в почву только сеялками, смев вручную не применяли. И погода была благоприятной. Уборка была сложной. Техники новой колхоз не получил, работали жнейками из бывших единоличных хозяйств. Имели всего одну конную сноповязалку. Пришлось просить помощи. На уборку в село была направлена воинская часть, прибыл отряд городских комсомольцев. Ни одного гектара с неубранным хлебом не осталось. Молотили зерно всю зиму. "Сигнал" сдал государству хлеба значительно больше, чем с урожая предыдущего года.

До образования машинно–тракторной станции колхоз имел три трактора – один "Фордзон" и два "Интера". Удостоверения трактористов имели лишь Василий Масютин и Михаил Михайлюк. При гараже были организованы курсы трактористов, на которых обучалось около 20 человек. Никаких учебников не имелось. Учили самому необходимому: названию узлов, заводке, прицепке сельхозорудий, смазке. Курсант должен был уметь отличать бензин от керосина, нитрол от автола, знать куда их заливать какие места смазывать. Ничего самостоятельно откручивать или прикручивать не разрешалось. По всем вопросам ухода за тракторами и их эксплуатации следовало обращаться к бригадиру и делать так, как он скажет. Несмотря на низкую квалификацию и несовершенство тракторов, за летний и зимний сезон работы этих машин не произошло не одной аварии.

В 1931 г. в Новогеоргиевке была образована Пограничная МТС, туда на курсы трактористов из "Сигнала" было направлено 30 человек. Возглавляла курсы женщина по фамилии Жигало. Небольшого роста, худенькая, но энергичная и веселая, она ходила к в кожаной куртке и пользовалась высоким авторитетом. Женщина на таком высоком посту, да еще во главе дела, более сподручного для мужчины, это было необычным. Вторая МТС образовалась в Покровке. В «Сигнале» были созданы две тракторные бригады. Одну из них возглавил Даниил Рябченко, вторую Ефим Шевченко. Координировал их работу колхозный агроном Шутов. Техническое обслуживание тракторных бригад осуществлял участковый механик МТС Моноловецкий. С увеличением количества тракторов они, кроме вспашки, стали использоваться на культивации, бороновании и севе. Очередная посевная тоже прошла хорошо. Сенокос был дружным. Впервые в порядке эксперимента заложили несколько десятков тонн силоса из дикорастущих трав. Летом 1931 года перед началом уборки хлебов, в колхоз прибыла большая партия переселенцев из Брянской области. Вскоре после этого в руководящих органах села произошла перестановка кадров. Бывший председатель сельсовета Терентий Карась сменил находившегося в то время

на посту председателя колхоза Атрошонка. Председателем сельсовета стал Максим Чепик из брянских переселенцев. Заведующим животноводства назначили переселенца же Соломенникова. Работавший в этой должности Тимофей Бугай пошел на разные работы. Секретарь парторганизации Винокуров сдал дела Константинову, который одновременно был и колхозным кассиром. Впоследствии стало ясно, что перестановка кадров на пользу дела не пошла, хотя объективно возможности для увеличения производства продукции улучшились. Колхоз получил десятка два жнеек – самосбросок, две конных сноповязалки. Уборку, как и год назад провели быстро, но хлеба на трудодни раздали вполовину меньше. Сложилась очень неблагоприятная ситуация в животноводстве в зиму 1932 –1933 годов. Впервые за всю историю Струговки почти все заготовленное для скота сено сгорело. Случилось это из-за нарушения существовавшей в селе традиции – осенью производить так называемое опаливание стогов. Покосы находились в долине р. Крестьянка. Всегда, как только отава жухла и высыхала, собирался сход, следовала команда всем выезжать на луг и опаливать стога группами по 15 –20 человек. Это мера позволяла уберечь сено от огня. А тут колхозное правление, сельсовет, парторганизация, занятые заботами об уборке урожая решили, что один раз можно обойтись без противопожарного мероприятия в районе сенокоса.

Итог – сено загорелось, в одну ночь огонь уничтожил все 380 стогов. Зимой от бескормицы пало большое количество крупного рогатого скота, лошадей, овец. Несколько работников животноводства были привлечены к судебной ответственности. Эта история породила подозрительность, в каждом факте бесхозяйственности, допускаясь подчас в силу сложившихся обстоятельств, стали усматривать вредительство. Атмосфера коллективности, подъема, характерная для первых лет колхозной жизни постепенно сменилась неуверенностью, нежеланием людей проявлять инициативу, к тому же по различным вербовкам из села уезжала молодежь. И колхозные дела шли как говорят, под гору. Из 200 дворов и примерно 500 –

600 трудоспособных к к. 1934 г. в колхозе осталось 98 дворов и 141 работник. Впервые три года посевная площадь колебалась в пределах 3,5 –4 тыс. гектаров. А в 1935 г. план весеннего сева был определен лишь в 2,5 тыс га. Из них пшеницей надо было засеять 1200, овсом – 820, ячменем – 40, гречихой –115, соей –250, картофелем – 30, овощами - 15 га.

Последствия неумелого руководства и других ошибок в осуществлении сельскохозяйственной политики затормозили развитие производства в колхозе, но было это явление временным. Перед началом Великой Отечественной войны колхозная Струговка окрепла, начавшееся военное лихолетье испытало ее на прочность по самым суровым меркам. Струговчане бились с фашистами на различных фронтах, а оставшиеся в тылу, делали все чтобы приблизить победу над врагом.

Крестьянская традиция

Работая над этими записками, вспоминая прошлое своих земляков и свое собственное, я с некоторой грустью думаю об одном, сильно ослабленном ныне крестьянском качестве: ничего не предпринимать без предварительного тщательного счета затрат и выгод. Если то что задумано, обещало хоть небольшие убытки, крестьяне предпочитали действовать по старинке. Пусть будет труднее, но если за счет дополнительного пота можно получить на рубль затрат, скажем, рубль двадцать дохода, крестьянин предпочтет потеть. Никто не удивлялся, что, начиная с мая и до октября, все взрослые и дети ходили босиком. Лишь во время сенокоса и жатвы некоторые одевали "улы" – изделия наподобие лаптей, сплетенные не из лыка, а из сыромятной кожи. С увеличением достатка отношение к вещам менялось. В 1930 г. например, все оделись в кожаную обувь промышленного производства. А бывший струговский батрак Максим Малыгин, например, даже на работе щеголял в таком невиданном костюме: кожаном меховом

комбинезоне, в кожаной же с меховым подкладом шапке, кожаных крагах, имел на руке часы, а в нагрудном кармане блокнот и карандаш. Был Максим первым колхозным трактористом, а богатый костюм его - всего лишь спецовкой.

М. Малыгин во время обмолота хлебов приводил своим трактором в действие мощную молотилку МК – 1100, которую колхоз направлял при отсутствии работы в коллективном хозяйстве на помощь и единоличникам. Запросил эту молотилку Федор Назаренко, который косо глядел на происходившие в селе революционные перемены. Конечно же прежде чем отказаться от молотилки на конном приводе он прикинул все плюсы и минусы: не нужны 8 лошадей, не надо долбить в мерзлой земле траншею под приводное колесо, не требуется перевозить и вмораживать в грунт конный привод и т. д. он даже на людях решил сэкономить – пригласил минимум помощников. Максим Малыгин увидев, что работников для обслуживания молотилки мало, сказал Назаренко: " Чего Федор заступился. Зови людей больше, иначе простой будет..." На конной молотилке подавальщик резал перевесло и разворачивал сноп тонким слоем, затем, не спеша, направлял колосья в барабан и вымолачивал сноп за 2 –3 приема. Если в барабан попадал толстый слой, перегруженная молотилка останавливалась.

Максим завел свой двадцати - сильный трактор, молотилка заработала и буквально начала глотать снопы, подавать ей "пищу" не успевали. Максим заглушил трактор. Тут хозяин тока, слова не говоря побежал за подмогой. Понял, что просчитался.

Тракториста, хозяина колхозного трактора и молотилки, засыпали вопросами: сколько стоит машина, сколько плугов способна тащить, сколько груза утянет. Вечерами сидели с карандашами в руках, подсчитывали: за день в тракторе сгорело столько - то керосина на такую – то сумму, 8 лошадей за это время съели бы столько – то овса. Выходило, что содержание лошадей в 3 раза дороже расхода на керосин. Учили, что лошадь – то надо кормить всегда, а трактор заправлять только тогда, когда он работает.

Рассчитали, на каком объеме работ всего выгоднее использовать трактор. Выходило, что семье или группе семей иметь такой трактор не резон, нужны тысячи гектаров хлебов и крупные тока. Следовательно, техника эта не для единоличника. Она для колхозных масштабов.

И так было во всем, что касалось хозяйствования. В теперешние дни, когда в колхозах и совхозах действует гарантированная оплата труда, конечный результат работы меньше интересует людей. Зависимость личного достатка от объема произведенной в хозяйстве продукции не столь непосредственна, как раньше. Введение такой формы оплаты, конечно же, оправдано всем ходом развития социалистического сельского хозяйства. Надо использовать иные приемы хозрасчета. Счет копейке сейчас идет не в каждом дворе, как было, а в целом по совхозу, колхозу, ведут его экономисты и бухгалтерский аппарат, но это счет механический, констатирующий расход, доход. Дисбаланс с креном в убытки неприятен по существу лишь теоретически. Неудивительно, что при неизмеримо расширившихся возможностях для повышения рентабельности производства, многие хозяева не сводят концы с концами. В этом состоит значительный просчет в работе первичных парторганизаций сельскохозяйственных предприятий, не воспитывающих у людей вкус к счету денег, вкус, некогда бывший одной из характернейших черт земледельца. Отраднo, что крестьянская традиция соизмерять доходы и расходы оживают в подрядных коллективах, которые все в большем количестве появляются в колхозах и совхозах, в том числе и в Струговке. Страна ждет от земледельцев и животноводов не только больше продукции,

Яркий след политотдела

Бывает, не заладятся дела в хозяйстве, и как, вроде бы, не бьются руководители, а улучшения в работе не наступает. И раздаются ссылки на различные объективные причины. Вспоминается мне аналогичная история

полувековой давности. Трудными для колхоза "Сигнал" были 1933 –1934 гг. техника подносилась, запасных частей к ней было мало, в связи с этим подготовка к весеннему севу шла очень медленно. Механизаторы, не имея хорошего заработка, стали уходить в город хозяйство лишилось трактористов для второй смены полностью. У оставшихся трактористов настроение было подавленное, они предвидели, что если они кое – как и отремонтируют технику, то в горячее время начнутся поломки, простои и, следовательно, заработка не будет также и летом, и осенью. Ухудшились условия и для общественно – политической работы. Из Покровки в Струговку была переведена школа колхозной молодежи, которой были переданы клуб и изба – читальня. Демонстрация кинокартин прекратилась, концерты, собрания проводить было негде. Руководители колхоза, МТС да и района возникшие в Струговке трудности в подготовке к севу, в массово –политической работе видели, пытались найти выход, из создавшегося положения, но легче не становилось.

А дело, как это и теперь случается, было не столько в самих трудностях, сколько в подходе к ним и умение находить способы преодоления помех. Это доказали работники политотдела, появившегося в МТС. Были они людьми грамотными, опытными, хорошими организаторами. Политотдельцы быстро сориентировались в обстановке и взялись за дело. Увидев, что своими силами машинно-тракторная станция и колхоз не обойдутся, они использовали постановление ЦК ВКП(б), объявляющее промышленные предприятия городов оказывать техническую помощь селу, и разместили на Уссурийских заводах заказы на изготовление и реставрацию деталей для сельскохозяйственных машин. Струговские трактористы, терявшие в МТС время без дела, были возвращены в колхоз, все трактора тоже доставили в колхозный гараж. Здесь, непосредственно в хозяйстве, и наладили ремонт. Возглавил его присланный с Уссурийского паровозостроительного завода механик Карленко. Медницкие работы и ремонт электрооборудования поручили Телендису. Увеличили штат

колхозных кузнецов, некоторых трактористов поставили молотобойцами. Привлекли к ремонту учащихся ШКМ.

Работа закипела. Исчезли люди, говорившие о трудностях и ждавшие, когда кто - ни будь выведет хозяйство из тупика. Все были заняты делом, трудились с раннего утра и до темна. К началу посевной трактора и сельхозорудия были подготовлены к полевым работам. Как иной раз в наши дни не хватает вот такой живой, целеустремленной работы! Быстро решили политотделы и вопрос с организацией досуга колхозников и массово – политической работы среди них. Отремонтировали пустовавший дом и открыли в нем клуб и библиотеку.

Большую помощь в решении проблем, вставших перед Струговкой, сыграл помощник начальника политотдела по комсомолу Ковтун, техник по специальности, имевший высшее политическое образование. Деятельным, широко образованным, умевшим подойти к людям остался в памяти заместитель начальника политотдела Цвик, работавший ранее преподавателем политэкономии в сельхозинституте. Большую часть рабочего дня он проводил среди колхозников – в бригадах, звеньях, на животноводческих фермах. Это позволяло ему изучать и знать людей, обстановку на производственных участках, что облегчало принятие верных решений, когда в производстве возникали недостатки.

Атмосфера коммун, возникновение которых предшествовало образованию колхозов, значительной части струговчан была дорога. Труд в коммуне строго не учитывался, распределение материальных благ не увязывалось с конкретным вкладом людей в производство, ответственность за коллективное достояние была невысокой. Не случайно, когда в повестку дня был поставлен вопрос о преобразовании коммун в колхозы – хозяйства, функционирующие на принципе социального хозрасчета, находились "теоретики", которые считали, что колхозы – это шаг назад на пути к коммунизму, потому что личное подсобное хозяйство оживит в людях такие вредные качества, как жадность, индивидуализм, частнособственническая

мораль, а введение сдельщины ограничит свободу личности, так как "привяжет" человека к одной работе.

По вопросу о сдельщине и некоторых других особенностях колхозной жизни на политзанятиях и на собраниях шли горячие споры. Политотдел, организуя выступления своих работников перед колхозниками, выпуская многотиражку, немало сделал по разъяснению экономической политики партии и Советского государства, улучшению организации труда, и повышению эффективности работы колхозов. "Сигнал" стал набирать силы. Отлив рабочих кадров из хозяйства прекратился, затем в родное село стали возвращаться те, кто покинул его в трудные дни. Государство укрепило машинный парк – появились новенькие трактора СХТЗ, два комбайна "Коммунар", восемь тракторных моторизованных сноповязалок. Уборка зерновых полностью была переведена на механизированный способ. Конные жнейки ушли с поля, прекратилась ручная вязка снопов, на которые работала по 300 – 400 человек. Конечно, трудности не исчезли совсем, но уже не они определяли будущее колхоза. Он поднимался в гору, улучшалась жизнь крестьян. Политотделы сыграли большую роль в становлении колхозного строя.